

— Как вам удается сочетать административную, преподавательскую, творческую и общественную деятельность?

— Раньше я отвечал: чем больше занятий, тем лучше. Но в последнее время уже чувствую, что от чего-то надо отказаться. И буквально на днях я оставил секцию живописи в СХ, которой заведовал. Но когда берешь на себя известные обязательства, то надо уметь преодолевать трудности. А пишу я тоже много — особенно зимой. И к персональной выставке уже готовы 120 живописных полотен, а также графические работы.

— Чем был для вас Союз художников Армении и чем он стал теперь? Сохранилась ли какая-либо общность между художниками?

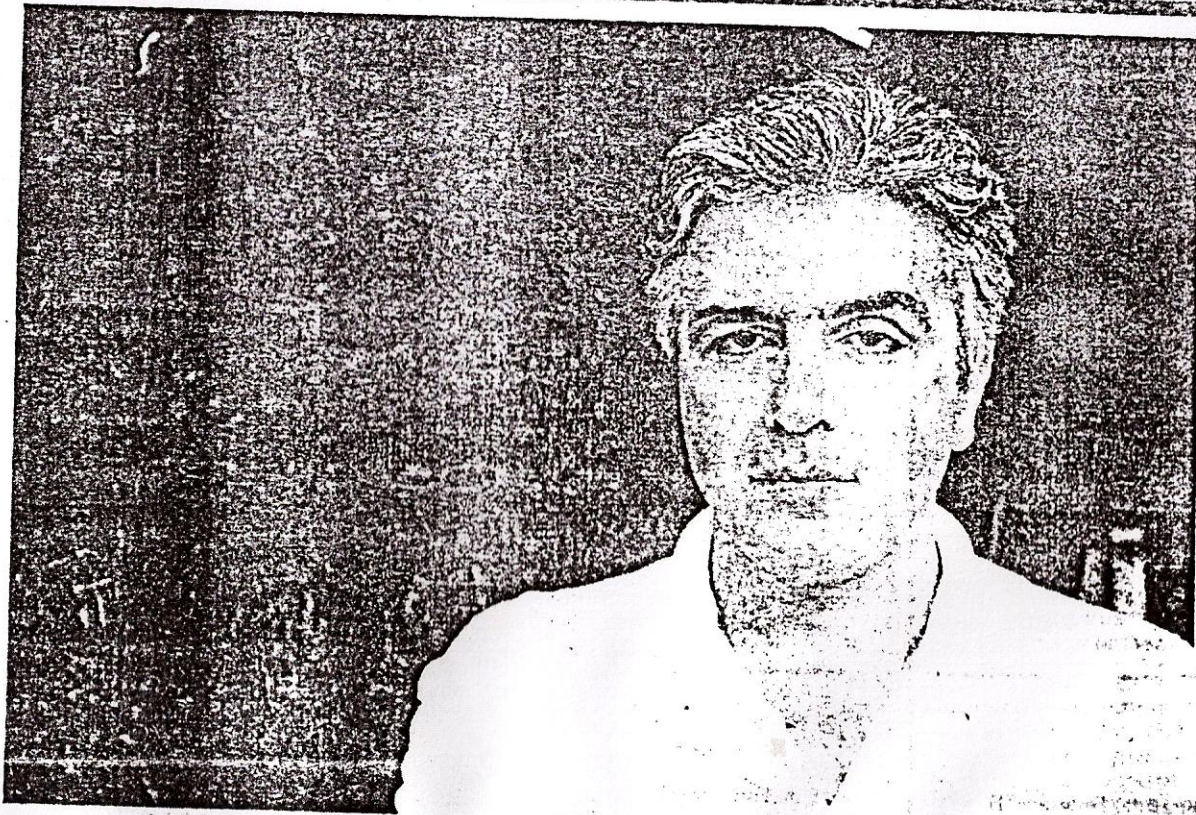
— За последние дни все секции СХ провели заседания, потому что 28 сентября открывается съезд художников Армении. К сожалению, здесь сегодня царит групповщина, методы заговоров, и нормальные люди не могут с этим сладить. Мне говорят: "Не вмешивайся", — но нельзя оставаться в стороне, когда все разворачивается, когда посты люди используют лишь для своих нужд. Вот с трудом отстояли первый этаж Дома художников...

— Чего же вы ждете от предстоящего съезда?

— Он ничего не даст, если не вмешается государство. В конце концов это жэк или творческий союз? Пусть за дело возьмутся молодые, будут бдительны и сохранят богатство наших отцов и дедов. И так часть пропала... Надо созидать, а не разрушать. Во всем мире есть подобные союзы, хотя цели у них разные.

Что делает истинный художник, когда уже дважды пожар — в мастерской и квартире — погубил его работы? Берет в руки кисть и создает новые полотна, устраивает за прошедшие три года выставки в Париже и готовился к наиболее ответственной для себя персональной выставке в Ереване, которая, вероятно, состоится уже в конце этого года.

В мастерской живописца, ректора Ереванского художественного института, профессора Арама Эдуардовича Исабекяна радуют взор яркие краски на созданных им портретах, композициях и пейзажах, а сам хозяин рассуждает об отношении к человеку, художнику, проблемам искусства, делится давно наболевшим.

ваша карьера выглядят гладко и идут по восходящей. Были ли сомнения, колебания в правильности избранного пути?

— Это внешне все благополучно, но сам я вечно в сомнениях и душевных терзаниях. Но это нормально, и я ни о чем не жалею, жизни без искусства я себе не представляю. Не жалею и о том, что возглавил институт, который всегда был для меня родным очагом, который я не хотел бы видеть разрушенным.

Но пожар в мастерской — это можно воспринять спокойно? И жить в атмосфере зависти, вечной борьбы, поверьте, очень утомительно. Но, простите за нескромность, природа дала мне неплохую внешность, талант, я трудолюбив, любознателен, много читаю и умею добиваться своего.

— Можете дать прогноз относительно дальнейшего развития армянского изобразительного искусства?

— Пока государство не покровительствует искусству, прогнозы могут быть только неблагоприятными. За прошедшие 70 лет были проложены основы искусства, и не только у нас, но и в Казахстане, Киргизии, у людей, живших в кибитках. А сегодня лучшее, что у нас есть, мы разбросали по миру, а галанты — это ведь не лаваш, его нельзя выпекать вечно. Когда-нибудь они иссякнут. Нельзя содержать вуз или театр, выплачивая ему дотации в размере 2% от требуемой суммы. И в Лондоне, и в США большинство университетов находится в ведении государства. Науке дают миллионы. В разрушенном войной западном Берлине сразу же проложили первый камень

Арам ИСАБЕКЯН: "ИНТЕЛЛИГЕНТ"

– *Согласитесь ли вы возглавить СХ или, по примеру Евгения Примакова, сначала откажетесь? В городе о вас говорят как о наиболее вероятном претенденте на пост председателя.*

– Мне предлагали это, и многие за мою кандидатуру, и сил бы у меня хватило, но через вашу газету сообщаю свой категорический отказ.

– *Что выиграли и что проиграли художники с провозглашением в искусстве свободы от идеологии?*

– Мы потеряли многое, потеряли огромное пространство СССР. Мы не ценили того, что выступали перед миром в качестве представителей великой страны. Сегодня любой может открыть выставку и здесь, и за рубежом, а число гениев, чьи имена сообщают по ТВ и в прессе, уже перевалило за тысячу. Художники в Армении, по-моему, были всегда свободными, и здесь прежде всего обращали внимание на уровень, достаточно вспомнить новаторство наших коллег в 60–е годы. Сегодня все вроде приобрели индивидуальность, но кому нужен одинокий степной волк? Вместе с тем появилось много некачественных произведений, процветает эпигонство. Что же касается меня, то эволюция у меня и возрастная, и связана с тем, что я повидал свет, все аспекты современного искусства мне теперь знакомы. Много дали мне ретроспективные выставки Сезанна и Пикассо. И я постиг ту истину, что мы переоцениваем себя и занимаем в мире красивое, но маленькое место. И потом: почему все должны интересоваться именно армянским искусством? Недавно в Москве побывал на выставке палестинских художников, о которых не имел раньше ни малейшего пред-

ставления. Выяснилось, что это отличные профессионалы, но ведь мне и в голову не приходило интересоваться ими...

– *Существование художественно-го вернисажа – вынужденная мера, печальная необходимость или хорошее начинание в духе новых веяний?*

– Примеры этого есть везде, это ярмарка, нельзя ее запрещать, нельзя лишать людей заработка, но не знаю значительных художников в Ереване, торгующих своими работами на вернисаже. Я вблизи познакомился с парижским Монмартром. Там нет стихийности, действуют свои твердые правила. Так, если число художников установлено – 100 человек, то оно должно оставаться неизменным. Вот когда освобождается место, тогда и появляется новое лицо. Там многие даровитые художники зарабатывают деньги для своего дальнейшего творчества, за 15 минут изображая туриста по желанию последнего, а потом удаляются для более серьезной работы. Потому тут излишне философствовать не надо, вернисажи вызвала к жизни сама жизнь, и с этим приходится мириться.

– *Уже четыре года вы ректор Художественного института. Насколько правильным было разделение институтов – художественного и театрального? Улучшилось ли в связи с этим дело подготовки новых кадров художников и преподавателей?*

– Я сам приложил руку к разделению институтов. Студенты общались друг с другом, это верно, но и мешали друг другу. Сейчас у каждого свое здание, а в нашем институте работают люди, болеющие за дело. Мы приобрели еще одно здание, правда, в ужасном состоянии, и своими силами расчищали эти

ДОЛЖЕН СОХРАНЯТЬ САМОУВАЖЕНИЕ

развалины и восстанавливаем – комнату за комнатой. А старое здание тоже почти сгнило, и мы его понемногу ремонтируем, по частям. У нас будут и музей, и выставочный зал, и лаборатории – графики, дизайна и прочее. Открылись в институте и новые отделения – ювелирный, моделирования и другие. И все ждем: вдруг здесь или за рубежом отыщется меценат, который нам поможет. А ведь раздавались голоса и в пользу того, чтобы вообще закрыть подобные институты и держать лишь студии – для актеров, художников... Но Армения всегда была сильна своим искусством, мы горды этим, но нам нужна помощь, нужны внимание и покровительство. И тогда и у нас будет не хуже, чем в Гюмри, где для нас меценаты выстроили прекрасное здание, куда даже просто входит одно удовольствие...

– *Вы сын наших известных мастеров изобразительного искусства старшего поколения – Арпеник Налбандяна и Эдуарда Исабекяна. Испытали ли вы на себе их влияние, или, напротив, отталкивались от них?*

– К сожалению, моя чудесная мама ушла из жизни в возрасте 48 лет, когда мне было всего 12. Сегодня она признана одним из лучших армянских художников. Ну, а отца вам представлять не надо. И генетически это все во мне. Но представьте, если бы я писал, как отец? Потому я слушал отца и де-

лал все по-своему.

– *Как вы определите свои художественные принципы? А гражданские и общечеловеческие принципы?*

– Повторяю, мой художественный принцип – профессионализм. Именно он оплот свободы в творчестве. Веласкес жил рядом с королем, но был свободен. Так же свободны были Гойя и Рубенс. Ну, а в смысле остальных принципов могу высказать скорее пожелания. Чтобы какие-то этапы были уже позади, чтобы приобрела устойчивость государственность. По территории сравниваю Армению с Бельгией, но какая разница! Хочу, чтобы Армения стала красивым, мирным, интересным для творчества пристанищем.

– *Внешне ваш путь в искусстве,*

для АН. У нас же вся надежда на платных студентов, да и то их число строго определено, и многие выбывают, потому что не могут платить дальше, что очень обидно – и за них, и за институт.

– *Что вернет в обществе уважение к интеллигенции, которая оказалась в плачевном положении?*

– Что и говорить, когда ты высококвалифицированному специалисту платишь в месяц 6 тысяч драмов за профессорскую ставку, то кто же его уважать будет? Без поддержки извне он вообще не выживет. Но, несмотря ни на что, интеллигент должен сохранять самоуважение.

Беседу вела
Зульфа ОГАНЯН

ООО "ПД" ПРЕДЛАГАЕТ

ПД – Региональный представитель российской компании MB

1. Копировальный аппарат MB3012 (Ricoh FT 2012) 12 к/мин, В4/В4 Тонер (туба 91г., мин 3000к)	1150 \$ 42 \$
2. Копировальный аппарат MB2212 (Konica 1212) A3/A3, zoom 60–165%, 12 к/мин А4, 8 к/мин А3. Тонер для MB2212/MB2215 (200 г., 6000к)	1950 \$ 26 \$
3. Копировальный аппарат MB5615 (Ricoh 4015) A3/A3, zoom 50–200%, 15 к/мин, фидер, сортер. Тонер MB5615 (6000к)	165 \$ 2150 \$ 26 \$
Светочувствительный барабан (60000к)	110 \$

Весь спектр копировальной техники Ricoh и Konica, а так же принтеры высокого класса Phaser–Tektronix, Optra–Lexmark
Салон-магазин: ул. Гайдара 1 (угол Гайдара и Баграмяна)
тел.: 26–54–91, факс 27–03–67